

Справка для лешего

Милана Панова

Справка для лешего

«Автор»

2026

Панова М.

Справка для лешего / М. Панова — «Автор», 2026

Варвара Синицына работает в обычном МФЦ и ничему не удивляется. Но однажды её переводят на ночную смену в секретное окно 13, которое обслуживает других граждан: домовых, кикимор, водяных и оборотней. Оказывается, нечисти тоже нужны документы, прописка и перерасчёт за воду. Водяной судится с фонтаном, который каждый вечер играет ему «Подмосковные вечера». Лешему нужна справка о том, что он и есть лес. А в шкафу у самой Варвары поселился ворчливый домовый, который печёт лучшие в городе пирожки и терпеть не может её носки. Но по городу начинают пропадать домовые. Их следы ведут к застройщику «Бессмертие-Строй» и его элегантному директору с подозрительно знакомым отчеством. Меч и огонь его не берут, смерть надёжно спрятана в цепочке офшоров. Зато Варвара знает регламент 1784 года наизусть, а против бюрократии бессилен даже Кощей. Смешная и тёплая история о том, что у каждого дома есть душа, у каждой бумажки есть сила, а настоящее волшебство иногда скрывается в электронной очереди.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Окно номер тринадцать	6
Глава вторая. Тихон	10
Глава третья. Очередь	13
Глава четвёртая. Пропажа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Панова

Справка для лешего

Справка для лешего

Городское юмористическое фэнтези

Глава первая. Окно номер тринадцать

Варвара Синицына была убеждена, что мир держится на трёх вещах: на печати, на подписи и на дате. Всё остальное, включая любовь, гравитацию и рост тарифов ЖКХ, было, по её мнению, вторично и регулировалось подзаконными актами.

Четыре года она отработала в многофункциональном центре «Мои документы» на улице Маршала Чуйкова и за это время повидала всё. Она видела мужчину, который пытался прописать в квартире попугая, потому что «он тоже член семьи и разговаривает». Она видела бабушку, которая принесла на замену паспорта фотографию, сделанную в 1974 году, и обиделась, когда её не приняли. Она видела, как солидный депутат районного совета плакал над формой заявления на субсидию. Варвару ничто не могло удивить.

Поэтому, когда в понедельник утром начальник отдела Геннадий Петрович вызвал её в кабинет и, не глядя в глаза, сказал: «Синицына, мы тебя переводим», она лишь уточнила:

— Куда?

— В окно номер тринадцать.

— У нас нет окна номер тринадцать. У нас двенадцать окон. Я их каждый день считаю, когда иду на обед.

Геннадий Петрович вздохнул так, будто она спросила у него пин-код от собственной совети.

— Есть, Варвара Сергеевна. Оно всегда было. Просто не всем его видно.

Он протянул ей бумагу. Это был приказ о переводе, оформленный по всем правилам: с номером, датой, подписью и печатью. Подпись была Геннадия Петровича, а печать — круглая, синяя, но вместо герба на ней был изображён то ли петух, то ли очень сердитая курица, а по кругу шла надпись старинной вязью: «Управа по делам граждан особого статуса».

— Это шутка? — спросила Варвара.

— Если бы, — сказал Геннадий Петрович. — Зарплата там на тридцать процентов выше. Плюс надбавка за вредность. Смена с полуночи до шести утра. Начальница — Аглая Ферапонтовна. Ты с ней не спорь. Вообще. Никогда. Последний сотрудник, который с ней поспорил, теперь работает фикусом в холле.

Варвара машинально посмотрела в окно кабинета, туда, где в холле стоял огромный, неопрятный фикус. Ей показалось, что фикус посмотрел на неё в ответ.

— Хорошо, — сказала она, потому что тридцать процентов есть тридцать процентов, а ипотека есть ипотека.

* * *

В 23:58 Варвара стояла у дверей закрытого МФЦ и чувствовала себя полной дурой. Охранник Михалыч, который обычно спал в своей будке с девяти вечера, сидел на ступеньках и курил, глядя на луну.

— На тринадцатое? — спросил он, не поворачиваясь.

— Да.

— Ну, с богом. Хотя они его не очень любят. Ты лучше «в добрый час» говори. С ними так надёжнее.

— С кем — «с ними»?

Михалыч не ответил. Ровно в полночь в здании зажёгся свет, двери разъехались, и Варвара вошла внутрь.

Зал выглядел почти так же, как днём. Те же двенадцать окон, тот же терминал электронной очереди, те же пластиковые стулья цвета «больничный голубой». Только теперь в дальнем конце зала, между туалетом и стендом «Как получить налоговый вычет», появилось тринадцатое окно. Над ним горела табличка с красными цифрами «13», а рядом висел плакат: «Уважа-

емые посетители! Просим не превращаться, не проклинать сотрудников и не оставлять в зале ожидания следов жизнедеятельности. Администрация».

За окном стояла пожилая женщина в строгом тёмном платье с высоким воротником. Волосы у неё были собраны в тугой узел, на носу сидели пенсне, а перед ней пыхтел медный самовар. Женщина пила чай из блюдечка и читала Гражданский кодекс.

— Синицына, — сказала она, не поднимая глаз. — Опаздываете.

— Сейчас ровно двенадцать, — возразила Варвара и тут же вспомнила про фикус.

— Сейчас двенадцать ноль-ноль и четыре секунды, — уточнила женщина. — Я Аглая Ферапонтовна. Ваше рабочее место — справа. Регламент — в первом ящике. Чеснок, соль и святая вода — во втором, но пользоваться ими без крайней необходимости запрещено, это дискриминация. В третьем ящике печенье. Его тоже не трогать, оно для домашних.

Варвара села за стойку. В первом ящике действительно лежала толстая папка с надписью «Административный регламент предоставления услуг гражданам особого статуса. Редакция от 12 марта 1784 года, с изменениями и дополнениями». Она открыла её на первой странице и прочитала:

«Пункт 1.1. Гражданами особого статуса признаются лица, не являющиеся людьми, но постоянно или временно проживающие на территории города, а равно лица, являвшиеся людьми ранее, но утратившие сей статус по причинам, от них не зависящим».

— Это нечисть, что ли? — шёпотом спросила Варвара.

Аглая Ферапонтовна поставила блюдечко на стол с таким звуком, что в самоваре что-то булькнуло.

— Слово «нечисть» является устаревшим и оскорбительным. Мы говорим «граждане особого статуса». Или «лица, проживающие в иной плотности». Запомните, Синицына. Ваш первый посетитель уже ждёт.

Терминал электронной очереди пискнул и сам выплюнул талончик. На табло зажглось: «Талон Д-001 — окно 13».

* * *

Первым посетителем оказался маленький бородатый старичок ростом Варваре по пояс. Он был в валенках, хотя на дворе стоял сентябрь, в длинной холщовой рубаше, подпоясанной верёвкой, и в шапке-ушанке. Борода у него была такая густая, что из неё, кажется, торчала хлебная крошка.

Старичок вскарабкался на стул, положил на стойку берестяную грамоту, кусок хлеба с солью и головку чеснока.

— Чеснок зачем? — спросила Варвара.

— На всякий случай. Вдруг вы упырь.

— Я не упырь. Я специалист первой категории.

Старичок посмотрел на неё с уважением, как на что-то пострашнее.

— Слушаю вас, — сказала Варвара тем голосом, которым она за четыре года научилась говорить «слушаю вас» людям, пришедшим ругаться.

— Прописаться мне надо, — сказал старичок. — Нашу пятиэтажку на Лесной снесли. Хозяева мои переехали в новый дом, двадцать пятый этаж, а там, понимаешь, печки нет. Куда мне, по-вашему, за печку? За кондиционер, что ли? Я пробовал. Дует.

Варвара открыла регламент. Глава четвёртая, «Регистрация домовых по месту пребывания». Требовались: заявление установленной формы, согласие собственника жилого помещения (может быть выражено в устной форме, путём оставления угощения на кухонном столе в ночь полнолуния), а также справка о прежнем месте проживания.

— А справку о прежнем месте проживания вы можете предоставить?

— Так дом-то снесли!

— Тогда нужна архивная выписка.

— Откуда?

— Из архива.

Старичок задумался.

— А архив где?

Варвара посмотрела на Аглаю Ферапонтовну. Та, не отрываясь от кодекса, указала пальцем вниз.

— В подвале, — сказала Варвара. — Запрос сделаем мы. Срок исполнения — тридцать рабочих дней.

— Тридцать дней! — ахнул старичок. — Да я за тридцать дней в этом бетоне совсем зачахну! Там даже мышей нет! С кем мне разговаривать?

Варвара почувствовала, как в ней шевельнулось что-то, чего она давно в себе не замечала. Это было не раздражение и не усталость, а что-то вроде сочувствия.

— Давайте так, — сказала она. — Я оформлю вам временную регистрацию. По пункту 4.7. «В исключительных случаях, связанных с утратой жилья по причинам непреодолимой силы». Снос — это непреодолимая сила?

— Ещё какая, — горячо подтвердил старичок. — Там экскаватор был. Жёлтый.

Варвара заполнила форму, поставила печать с сердитой курицей и протянула старичку листок. Тот взял его двумя руками, как икону, прочитал, пошевелив губами, и вдруг расплылся в улыбке, от которой его борода разъехалась в стороны.

— Спасибо, дочка. Ты не как прошлый. Прошлый всё время кричал: «Следующий!»

Он спрыгнул со стула, поклонился в пояс и вышел. Чеснок и хлеб остались на стойке.

— Чеснок можно выбросить? — спросила Варвара.

— Хлеб съешьте, — сказала Аглая Ферапонтовна. — Это знак уважения. Чеснок отнесите в бухгалтерию. Там у них упырь на полставки, пусть понервничает.

* * *

Остаток ночи прошёл как в странном сне. Терминал выплёвывал талончики с буквами, которых Варвара не знала: «К», «В», «Л», «О», «Р». Буква «К» означала кикимор, и первая из них, растрёпанная женщина с зеленоватой кожей и волосами, в которых застряли сухие листья, пришла оспаривать счёт за воду.

— Я в этой квартире живу за холодильником, — говорила она, тыча в квитанцию длинным ногтем. — Я воду не пью. Я ею не моюсь. Я в ней, извините, только капаю по ночам из крана, чтобы хозяевам спать не давать. Это профессиональная деятельность! Почему мне начисляют?

— Вам и не начисляют, — терпеливо объясняла Варвара. — Начисляют собственнику. Вы же не собственник.

— Но собственник говорит, что это я виновата! Что у него счётчик крутится! И вызвал сантехника! А сантехник — сантехник! — сказал, что «тут какая-то дрянь живёт»! Это я-то дрянь?!

К пяти утра Варвара приняла двух кикимор, одного банника, который хотел перерегистрировать баню в сауну, потому что «так современнее», и одну девушку очень бледного вида, которая спросила, можно ли получить загранпаспорт без фотографии, потому что на фотографиях она не отображается.

В шесть утра свет в зале мигнул, окно номер тринадцать стало мутным, будто запотевшим, и Варвара обнаружила, что стоит на крыльце МФЦ, в руке у неё сумка, а над городом поднимается серый рассвет.

Михалыч всё так же курил на ступеньках.

— Ну как? — спросил он.

Варвара подумала.

— Посетители вежливее, чем днём, — честно сказала она.

Михалыч кивнул, как будто ничего другого и не ожидал.

Глава вторая. Тихон

Варвара жила в однокомнатной квартире на седьмом этаже панельного дома на улице Сиреневой. Квартира была взята в ипотеку на двадцать лет, и Варвара относилась к ней как к ребёнку, которого нельзя бросить, даже если он орёт по ночам. Квартира, впрочем, не орала. Она просто была маленькой, с низкими потолками и соседом сверху, который по субботам сверлил так, будто искал нефть.

В то утро, вернувшись после первой смены, Варвара сбросила туфли, упала на диван и мгновенно заснула. Ей снились кикиморы, которые требовали перерасчёт, и Аглая Ферапонтовна, превращающая Геннадия Петровича в фикус.

Проснулась она от того, что кто-то ругался в её шкафу.

— ...и носки! Носки-то, носки! Кто ж так носки складывает? Это ж не носки, это какой-то клубок змей! Ни одного парного! Где хозяйство? Где порядок? Тьфу!

Варвара села на диване. Часы показывали три часа дня. В комнате было светло, а дверца шкафа слегка подрагивала.

Варвара не стала кричать. Четыре года в МФЦ научили её, что крик в любой ситуации только усложняет оформление. Она встала, подошла к шкафу и решительно открыла дверцу.

На нижней полке, среди её носков, сидел старичок. Не тот, вчерашний, с Лесной, — другой. Этот был потолще, с рыжеватой бородой, заплетённой в две косички, в жилетке поверх рубахи и в маленьких очках, сдвинутых на кончик носа. В руках он держал её носок с котиками и смотрел на него с выражением глубокого морального осуждения.

— А, проснулась, — сказал старичок. — Ну здравствуй, хозяйка.

— Вы кто? — спросила Варвара.

— Тихон я. Тихон Пафнутьевич. Домовой.

— Это я поняла. Что вы делаете в моём шкафу?

Тихон Пафнутьевич аккуратно положил носок на полку, разгладил его ладонью и вздохнул.

— Живу, — сказал он. — Временно. Вернее, проживаю по месту пребывания. Видишь ли, хозяйка, я ведь тоже вчера в твоё окно приходил. Только ты меня не приняла. Я в очереди стоял, талончик Д-014, а тут шесть часов, и всё, закрылось. А мне идти некуда. Дом мой снесли. Вот я по талончику-то и пришёл. По следу, значит. Талончик же твоей печатью пахнет.

Он протянул ей помятый талончик «Д-014».

Варвара взяла его. Талончик действительно был настоящий. Она даже помнила, что очередь до четырнадцатого номера так и не дошла.

— Вы понимаете, что так нельзя? — сказала она. — Это частная собственность. Тут нужно согласие собственника.

— А ты и есть собственник, — резонно заметил Тихон. — Ну и давай согласие.

— Я... — Варвара открыла рот и закрыла. — А если я не дам?

Тихон посмотрел на неё поверх очков. Взгляд у него был такой, каким смотрят старые учителя на ученика, который заявил, что дважды два — пять.

— Не дашь — уйду. Мы, домовые, насильно не живём. Только ты, хозяйка, подумай. Квартира у тебя пустая. Не в смысле мебели, а в смысле души. Ты тут не живёшь, ты тут ночуешь. Кастрюли у тебя три, и все чистые, потому что ты не готовишь. Цветок на подоконнике засох. Носки, опять же. — Он снова печально посмотрел на носок с котиками. — Тебе домовой не помешает. Я много места не займу. Мне угол за плитой и миска молока по праздникам.

Варвара хотела сказать, что ей не нужен домовой в шкафу, что она взрослая самостоятельная женщина с юридическим образованием, что у неё ипотека и никакой души, а только

кредитные обязательства. Но потом посмотрела на засохший цветок на подоконнике. Это был кактус. Она засушила кактус. Это вообще надо было постараться.

— Хорошо, — сказала она. — Временная регистрация. На тридцать дней. Пока не придёт архивная выписка о вашем прежнем месте жительства.

— Вот и ладушки! — обрадовался Тихон и прыгнул с полки. — Я тебе тогда пирожков напеку. У тебя мука есть?

— Нет.

— А яйца?

— Нет.

— А что есть?

Варвара открыла холодильник. Там лежали полпачки сливочного масла, лимон и баночка корейской морковки с истекающим сроком годности.

Тихон заглянул в холодильник, потом медленно перевёл взгляд на Варвару и молча перекрестился. Потом вспомнил, что домовым этого делать не положено, смутился и сделал вид, что поправлял бороду.

* * *

Через два часа Варвара сидела на кухне и ела пирожки с капустой. Где Тихон взял капусту, муку и яйца, она решила не уточнять. Он заявил, что «попросил у соседей», и по его тону было ясно, что соседи об этой просьбе не знают.

— Рассказывайте, — сказала Варвара, вытирая пальцы о салфетку. — Где ваш дом был?

— Да тут рядом. Сиреневая, четырнадцать. Двухэтажный, деревянный, ещё при царе Горохе построенный. Я в нём сто двенадцать лет прожил. Там семья Ильиных жила, потом Петровы, потом коммуналка была, потом опять Ильины, только уже другие, внуки. А потом пришли эти. — Тихон нахмурился. — В костюмах. Говорят, аварийный дом. Говорят, расселение. А какой он аварийный? Я в нём каждую доску знал. Каждую трещинку замазывал. Он ещё сто лет простоял бы.

— А кто «эти»?

— Компания какая-то. Бессмертие... что-то там. Бессмертие-Строй.

— Странное название для строительной компании.

— Вот и я говорю. — Тихон подлил ей чаю. — Только слушай, хозяйка. Это ж не просто так. Наших много без дома остаётся. Раньше дома сносили, мы в новые переезжали. Хозяева нас в лапоть звали, или в валенок, или в коробку из-под обуви, и мы переезжали. А теперь... — он замолчал.

— Что теперь?

— Теперь, бывает, не переезжают. Вот был у меня приятель, Савелий, с Садовой. Его дом тоже снесли. И с тех пор я его не видел. Думал, к родне подался. А потом ещё Ерофей с Почтовой пропал. И Мокей, который в старой бане жил. Как будто вместе с домами их и снесли.

Варвара отставила чашку.

— Вы уверены, что они не просто переехали?

— Домовой без дома, — сказал Тихон тихо, — это как человек без имени. Мы не можем просто так в воздухе висеть. Нам надо за что-то держаться. Если домового нет ни в старом доме, ни в новом — значит, с ним что-то случилось.

На кухне стало тихо. Только холодильник гудел, и где-то наверху сосед начал сверлить, хотя был четверг.

— Я завтра посмотрю, — сказала Варвара. — Может, они регистрировались у нас. Там же должна быть база.

— Должна, — согласился Тихон. — Ты посмотри, хозяйка. Ты бумажная, ты умеешь.

Варвара не знала, комплимент это или нет. Она доела пирожок и вдруг поймала себя на том, что впервые за долгое время ей на кухне не хочется сразу уйти в комнату, к телефону и сериалам.

Перед сном она заглянула в шкаф. Носки лежали парами. Каждый с каждым. Даже те, что она считала безнадежно потерянными три года назад.

Кактус на подоконнике она, конечно, не воскресила. Но утром обнаружила рядом с ним маленький глиняный горшок с какой-то зелёной травкой и запиской, нацарапанной угольком: «Это мята. Её не засушишь. Т.».

Глава третья. Очередь

К концу первой недели Варвара начала понимать, как устроена работа окна номер тринадцатый.

Во-первых, граждане особого статуса, как и все граждане, приходили в основном за тремя вещами: за справками, за регистрацией и чтобы пожаловаться. Во-вторых, жаловались они на то же самое, на что и люди: на соседей, на шум, на коммунальные платежи и на то, что «раньше было лучше». В-третьих, бумажная волокита пугала их гораздо сильнее, чем серебро, железо и осиновые колья вместе взятые.

— Они существа старые, — объясняла Аглая Ферапонтовна, наливая себе пятую чашку чая. — Они помнят время, когда договор скреплялся словом. Сказал — сделал. А теперь им нужно заполнять форму 7-Б в трёх экземплярах. Это для них хуже проклятия. Многие предпочитают просто исчезнуть, лишь бы не стоять в очереди.

— Тогда зачем вообще нужна эта бюрократия? — спросила Варвара.

Аглая Ферапонтовна посмотрела на неё поверх пенсне долгим взглядом.

— Синицына. Знаете, что такое бумага с печатью?

— Документ.

— Это договор. А договор для них — это всё. Это единственное, что защищает их в мире, где их больше никто не видит. Пока у домового есть регистрация — он существует. Юридически. А значит, и физически тоже. Бумага держит их здесь, в этом городе, крепче любого заклинания.

Варвара задумалась. Это объясняло, почему Тихон каждое утро перечитывал свою временную регистрацию и бережно прятал её под клеёнку на кухонном столе.

* * *

В среду ночью к окну пришёл водяной.

Сначала Варвара почувствовала запах — тяжёлый, сырой, как в подвале, где прорвало трубу. Потом увидела лужу, которая медленно ползла по полу от входной двери к её стойке. И только потом увидела самого посетителя: грузного мужчину с зелёной бородой до пояса, в мокром пиджаке поверх тельняшки и в резиновых сапогах. На голове у него сидела кувшинка, как шляпа.

— Пахом Иванович, — представился водяной, плюхаясь на стул. Стул жалобно скрипнул. — Городской пруд в парке Победы. Двести лет на одном месте. Претензия у меня.

— Слушаю вас.

— Они мне фонтан поставили, — сказал Пахом Иванович с такой горечью, будто ему сообщили, что его пруд переименовали в лужу. — Посередине. Светомузыкальный. Каждый вечер с восьми до одиннадцати он мне прямо в... извиняюсь... в жилое помещение бьёт струями. И музыку играет. «Подмосковные вечера». Двести сорок раз за лето. Я считал. Я уже эти вечера ненавижу. Я рыбу свою спросил, так и рыба ненавидит.

Варвара открыла регламент. Глава одиннадцатая, «Споры граждан особого статуса с органами местного самоуправления».

— Вы можете подать заявление о нарушении права на тихое пользование жилым помещением, — сказала она. — Оно рассматривается в течение...

— Знаю я, в течение скольких, — перебил водяной. — Я двадцать лет назад такое писал, когда они там лодочную станцию открыли. До сих пор рассматривают. Ты мне лучше скажи, дочка, можно им этот фонтан... ну... того?

— Чего — «того»?

Пахом Иванович сделал неопределённый жест мокрой рукой, и с его пальцев на стойку упала маленькая рыбка, подпрыгнула и шлёпнулась обратно на пол.

— Затопить. Насовсем. Чтоб не включался.

— Это порча муниципального имущества, — строго сказала Варвара. — За это предусмотрена ответственность.

— Какая?

Варвара полистала регламент. Нашла.

— Принудительное обмеление на срок до трёх лет.

Водяной побледнел, насколько может побледнеть существо зелёного цвета.

— Ладно, — сказал он. — Давай своё заявление.

Варвара помогла ему заполнить форму. Почерк у водяного был размашистый и мокрый, бумага расплзлась под его пальцами, и в итоге заявление пришлось сушить на самоваре Аглаи Ферапонтовны. Но Варвара добавила от себя пункт: «Прошу также рассмотреть возможность изменения музыкального репертуара фонтана», — и Пахом Иванович ушёл почти счастливым.

— Почему «почти»? — спросила Варвара, когда он исчез за дверью, оставив после себя лужу и запах тины.

— Потому что водяные никогда не бывают совсем счастливы, — ответила Аглая Ферапонтовна. — Это у них видовое.

* * *

В четверг пришёл леший.

Варвара не сразу поняла, что это посетитель. Сначала ей показалось, что кто-то занёс в зал небольшое дерево и поставил его у входа. Дерево было сухое, корявое, с лишайником на ветках. Потом дерево шагнуло вперёд, и Варвара увидела, что у него есть глаза — два жёлтых огонька в глубине ствола, — а ветки на самом деле руки.

Леший подошёл к окну, наклонился, и в зале запахло прелой листвой и грибами.

— Пантелеймон, — сказал он голосом, похожим на скрип старых сосен. — Лесопарк «Сосновый бор». Мне справку.

— Какую?

— Что я — это лес.

Варвара моргнула.

— Простите?

Пантелеймон тяжело вздохнул, и с его веток посыпались сухие иголки.

— Они хотят лес мой... того. Часть. Восточную. Под парковку для торгового центра. Говорят, это неиспользуемая территория. Я им говорю: как неиспользуемая, я ж там живу! А они говорят: а вы кто такой? А я говорю: леший. А они говорят: таких не бывает. А я говорю: вот же я. А они говорят: предъявите документы.

— И у вас нет документов?

— Есть, — обиделся леший. — Вот.

Он достал из дупла в груди сложенный вчетверо лист бумаги, пожелтевший до цвета осенней листвы, и положил на стойку. Это была жалованная грамота. Варвара развернула её, и у неё перехватило дыхание. Грамота была датирована 1709 годом, написана гусиным пером и подписана размашисто: «Пётр».

— Это подпись Петра Первого? — прошептала она.

— Ага. Он у нас охотился. Заблудился. Я его вывел. Он мне за это грамоту дал. «Леший Пантелеймонъ есть хозяинъ лесу сего, и никто да не смеетъ его обидеть». Только они говорят, что грамота недействительная. Устаревшая форма документа.

Варвара перечитала грамоту ещё раз. Потом открыла регламент. Потом посмотрела на Аглаю Ферапонтовну. Та, к её удивлению, отложила Гражданский кодекс и внимательно наблюдала за ней.

— Аглая Ферапонтовна, — сказала Варвара. — А грамоты, выданные до 1917 года, у нас принимаются?

— Принимаются, — ответила начальница. — Если подтверждены архивом. Регламент, глава девятнадцатая, пункт третий.

— Значит, можно сделать архивное подтверждение и на его основании выдать справку о том, что Пантелеймон является законным владельцем — то есть законным... лесом?

— Можно. Но долго.

— Сколько?

— Тридцать рабочих дней.

— А когда они собираются начать вырубку? — спросила Варвара у лешего.

— Через месяц.

Варвара посмотрела на календарь. Тридцать рабочих дней — это шесть недель. Не успевали.

— Тогда я запишу на «срочно», — сказала она и поставила в углу заявления красный штамп «СРОЧНО».

Аглая Ферапонтовна приподняла бровь.

— У нас нет срочного порядка, Сеницына.

— Есть. Пункт 2.14. «В случае угрозы жизни или здоровью гражданина особого статуса срок может быть сокращён до трёх рабочих дней». Вырубка леса — это угроза жизни лешего.

Аглая Ферапонтовна помолчала. Потом медленно кивнула. Варвара могла поклясться, что уголки её губ на мгновение дрогнули — почти как улыбка.

— Вы читали регламент, Сеницына.

— Весь. За три ночи.

— Хм, — сказала Аглая Ферапонтовна и вернулась к Гражданскому кодексу. Но перед этим она достала из-под стойки печенье — то самое, которое для домашних, — и положила одно на стол перед Варварой.

Варвара поняла, что это примерно как получить орден.

* * *

Под утро, когда очередь иссякла, в зал вбежал парень в жёлтой куртке курьерской службы и с огромным термокоробом за спиной. Он был высокий, растрёпанный, с щетиной и очень тёмными глазами. Он затормозил у окна номер тринадцать, тяжело дыша, и шлёпнул на стойку талончик «О-003».

— Успел! — сказал он. — Слава... эээ... в добрый час. Я Глеб. Глеб Волков. Мне нужен этот... статус. Сезонного инвалида.

— Какого инвалида? — переспросила Варвара.

— Сезонного. Ну, понимаете... — Он покосился на Аглаю Ферапонтовну и понизил голос. — У меня работа. Доставка. Хорошая работа, мне нравится. Но раз в месяц я, ну, не могу. Три дня. В полнолуние. А мне говорят: Волков, у тебя третий раз за квартал больничный, мы тебя уволим. А я что им скажу? Что я раз в месяц превращаюсь в волка и бегаю по лесопарку? Они меня в психушку отправят.

— Вы оборотень?

— Тсс! — Глеб снова оглянулся. — Ну, да. «Лицо с периодическим изменением биологической формы», если по-вашему. Наследственное. У меня и дед такой был, и прадед. Только им проще было. Они в деревне жили, там никто больничные не спрашивал.

Варвара посмотрела на него внимательнее. Глаза у него и правда были необычные — с жёлтыми искорками на самой глубине. И пахло от него, как ни странно, не псиной, а хвоей и холодной улицей.

— Есть форма 14-О, — сказала она. — Справка о периодической нетрудоспособности. Она признаётся работодателями. У нас с Министерством труда соглашение с 1953 года.

— Серьёзно? — Глеб просиял. — А почему мне об этом никто не сказал?

— Потому что вы никогда не приходили.

— Я боялся. Тут же... — он снова покосился на Аглаю Ферапонтовну, — строго.

Варвара заполнила справку. Глеб расписался, поставил отпечаток большого пальца — по регламенту, оборотни должны были ставить отпечаток в человеческом облике, — и получил документ.

— Спасибо, — сказал он, складывая справку и пряча её за пазуху. — Вы прям волшебница.

— Я специалист первой категории.

— Это ещё круче. — Он улыбнулся, и улыбка у него была немного зубастая. — Слушайте, а можно я вас как-нибудь... ну... кофе угощу?

— Я работаю до шести утра.

— А я развожу еду до шести утра. Удачно совпало. — Он подмигнул и умчался, не дожидаясь ответа.

Варвара смотрела ему вслед и почувствовала, что Аглая Ферапонтовна смотрит на неё.

— Что? — спросила Варвара.

— Ничего, — сказала Аглая Ферапонтовна. — Только помните, Синицына, что связь с оборотнем требует регистрации в загсе особого статуса. Глава тридцать вторая.

Варвара покраснела так, что ей стало жарко.

— Я не собираюсь...

— Конечно, — согласилась Аглая Ферапонтовна. — Никто никогда не собирается.

Глава четвёртая. Пропаж

База данных окна номер тринадцать хранилась не в компьютере. Компьютер у Варвары был — старый, с выпуклым монитором и клавиатурой, на которой западала буква «Ж», — но он предназначался только для печати справок. Всё остальное хранилось в огромном деревянном шкафу с сотнями маленьких ящичков, похожих на библиотечный каталог.

— Здесь картотека, — сказала Аглая Ферапонтовна, когда Варвара спросила её про домовых. — Каждый зарегистрированный гражданин особого статуса — одна карточка. Если он сменил адрес — запись на обороте. Если умер, исчез или развоплотился — карточка чернеет.

— Чернеет?

— Сама. Это не мы делаем.

Варвара открыла ящик с надписью «Домовые. Ленинский район». Карточки были разные: старые, пожелтевшие, исписанные выцветшими чернилами, и совсем новые, отпечатанные на машинке. Она нашла карточку Тихона Пафнутьевича — она была светлая, а на обороте свежими чернилами значилось: «Временная регистрация: ул. Сиреневая, д. 9, кв. 48». Её собственный адрес. Варвара почувствовала странную гордость.

Потом она стала искать Савелия с Садовой.

Его карточка была чёрной. Не просто тёмной, а совершенно чёрной, как будто её окунули в тушь. Надпись на ней не читалась.

Варвара похолодела. Она стала искать дальше. Ерофей с Почтовой — чёрная. Мокей из старой бани — чёрная. И не только они. Она перебирала карточки одну за другой, и чёрных становилось всё больше. Не десятки — больше. Она пересчитала. Сорок семь. Сорок семь домовых одного только Ленинского района.

Она перешла к соседнему ящичку. Центральный район — тридцать две чёрные карточки. Заречный — двадцать восемь.

— Аглая Ферапонтовна, — позвала она. Голос у неё дрогнул.

Начальница подошла, взглянула на ряды чёрных карточек и долго молчала. Потом взяла одну, повертела в пальцах и поднесла к носу.

— Это не смерть, — сказала она наконец.

— А что?

— Когда домовой умирает, карточка становится серой. Как пепел. Когда развоплощается — белеет и исчезает. А чёрная... — она понюхала ещё раз. — Чёрная бывает, когда гражданин находится в неволе. Вне закона. Вне любого места.

— Их кто-то похитил?

— Их кто-то держит. — Аглая Ферапонтовна положила карточку обратно, аккуратно, как кладут что-то хрупкое. — И мне это не нравится, Синицына. Очень не нравится. Последний раз так много чёрных карточек было в тысяча девятьсот тридцать седьмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.